

«Главное осознать, — писал р. Яков-Йосеф, — что Всевышний пребывает в любой точке пространства и проявляет Себя в любом явлении. Поэтому в самом простом разговоре или рассказе о каком-либо происшествии человек может ощутить присутствие Творца — точно так же, как при изучении Торы или в молитве» (Толдот Яков-Йосеф).

Однажды хасиды цадика из Ружина устроили в бейт мидраше трапезу проводов субботы. Пришел туда и ребе. Встал в дверях и говорит им: «Помните: Бааль-Шем-Тов не был Б-гом, а мой дед, (Р. Дов-Бер, Великий Магид («проповедник») из Межерича (1704–1773) — приближенный ученик и наследник Бешта) Магид, не был извозчиком». Удивились хасиды: разве кто-то не знает об этом, чтобы стоило напоминать? Но продолжал ребе: «Тем не менее, однажды талес Бааль-Шем-Това выпал у него из-за пояса, и Магид, увидев это, подошел и подоткнул талес обратно ему за пояс, но от этого на него напал такой ужас, что он пребывал на грани жизни и смерти. Пришлось даже вывести Бааль-Шем-Това из состояния единения со Всевышним, чтобы Магид мог успокоиться!» И повторил тут ружинский цадик: «Бааль-Шем-Тов не был Б-гом, а Магид, мой дед, не был извозчиком. И все-таки от прикосновения к облачению Бешта его охватил страх и трепет! Весь наш мир — Б-жественное облачение. Всевышний повсюду. А раз так, представляете, какой трепет должен охватывать человека, находящегося в этом мире?!»

«Соитие затруднительно для настоящего цадика. У него не только нет никакого желания, но он испытывает от этого истинную муку, подобную той, которое испытывает дитя во время обрезания. То же самое мучение, только еще в большей степени, испытывает цадик при супружеском соитии. Дитя не осознает, что с ним происходит, поэтому его страдание не так велико. Но цадик, поскольку он осознает свою боль, страдает куда больше, чем младенец».

Как говорили наши люди, особенным образом рабби Нахман относился к видениям и образам. Он не мог согласиться с их ведениями и образами и поэтому был у него по сему великий раздор со святым рабби из Несвижа, которым этим особенно славился. Учитель наш, блаженной памяти, много спорил с ним по этому поводу, но о чем именно он спорил, я точно не знаю. В общем учитель наш говорил, что видения нужно прозревать не так, как видит их он (рабби из Несвижа). Однажды рабби из Несвижа велел ему передать: «Скажи мол ему, что еще до того, как он пришел в город, я узрел ангела Метатрона, который привиделся мне таким-то и таким-то». Как я слышал, еще много подобного утверждал святой рабби и настаивал, что воистину является ему Метатрон, а учитель наш возражал, что он выглядит вовсе не так. Кажется однажды этот святой рабби сам говорил учителю нашему, блаженной памяти «Я мол видел такой и видел сякое», а учитель наш не соглашался с ним и возражал: «Не таким видится Метатрон! Мне он представляется таким-то и таким-то, а я то воистину зрел Метатрона».

«Я не понимаю, как вы набрались смелости смущать меня мирской суетой. Ведь я подобен человеку, денно и ночью ходящему по пустыне, чтобы сделать ее цветущим садом. В сердце каждого из вас погибельная обезлюдевшая пустыня, в которой не находится места для Шхины, а я стремлюсь и стараюсь ежечасно совершать исправления и создавать в сердцах ваших хоть какое-то местопребывание для Шхины. Знаешь ли ты, как тяжело приходится трудиться, приступая к грубому и бесплодному дубу, чтобы создать для него прекрасные сосуды, пригодные для человеческого употребления. Сколько усилий надо, чтобы срубить дерево, распилить его на доски, потом ошкурить и выгладить, а затем сделать и все остальное. Столь же тяжело тружусь и я над исправлением каждого из вас, а вы лишь смущаете меня мирской суетой».

«Я самый сирий и убогий из всех великих. У одного есть богатство, у другого – деньги, у третьего – местечки, а у меня ничего нет. Утешаюсь я, лишь, когда вспоминаю, что в мире истины все будут нуждаться во мне и жаждать причаститься тех новых толкований, которые я раскрываю ежечасно и ежеминутно»

Я слышал, как он говорил: «Мое постижение Господа благословенного таково, что я мог бы привести Мессию. Но я оставил все и обосновался среди вас, чтобы повернуть вас к добру, ибо это превыше всего: «Блажен держащий грешника за руку». Тогда же он упрекал товарищей наших, говоря: «Сколько я тружусь ради вас? Я беседовал со всеми вами и с каждым из вас по отдельности великое множество раз, говорил до хрипоты в горле, до пересыхания рта. И чего я добился. Хотя вы и кошерные евреи, но хотел-то я совсем другого. Как же встану я перед Престолом славы?»

«Много воюющих со мной свыше. Есть у человека вышние враги, как сказали мудрецы наши, блаженной памяти: «Как есть гонители внизу, есть гонители и наверху. Когда на человека нападают и преследуют, он всякий раз бежит к Богу благословенному. Ведь Бог пребывает всюду, как сказано: «Поднимусь в небеса, там – Ты, постелю себе в преисподней – вот Ты. Куда бы человек не бежал, он бежит к Богу».

«В Лемберге между Пуримом и Песахом 1808 г. он как-то ушел в отдельную комнату и там горько плакал. Со слезами на глазах он позвал рабби Шимона и пенял ему, говоря: «Не с кем мне посоветоваться». Рассказал он ему тогда о том, что лежит у него дома книга из-за которой он лишился жены и сыновей своих, погибших ради нее. За то он готов был пожертвовать (и своей) жизнью, а теперь не знает, что делать. Дело в том, что ему кажется, что там в Лемберге он и скончается, но если сожжет эту книгу, то может и выжить. Потому пребывал учитель наш, блаженной памяти, в великих сомнениях и не мог решить, что же делать. Мучительно было ему сжигать эту святую и грозную книгу, ради которой готов он был к самопожертвованию. Всю святость этой ужасной книги вовсе не описать. Если бы осталась на свете та книга, все узрели бы величие учителя нашего, блаженной памяти».

«В ту субботу собралось там очень много людей – одни и раньше бывали у него в святую субботу, другие появились впервые. Уже наступила субботняя ночь, когда он вышел к собравшимся. Был он очень слаб, у него едва хватало сил говорить. Без промедления произнес он слова освящения над кубком вина. И после освящения сел у стола, а не вернулся сразу же в свою комнату, как поступал он обычно, когда собиралось много народу. Так сидел он, совершенно обессиленный, и начал беседу, говоря понемногу и преодолевая безмерную усталость.

Он сказал: "Зачем приезжаете вы ко мне? Ведь теперь я ничего не знаю. Когда я высказываю поучение, тогда есть для вас смысл прийти или приехать ко мне. Но сейчас – ради чего явились вы? Ведь теперь я ничего не знаю, я не более чем простак, совершенный простак". И он повторил дважды и трижды, что не знает ровно ничего, что он всего лишь заурядный человек, простак. А потом добавил, что единственно, чем он ныне поддерживает в себе жизнь, это тем, что побывал он в Стране Исраэля. И снова вернулся к тому же – мол, чистая правда, что он ничего, совершенно ничего не знает и что он теперь простак из простаков и жив лишь тем, что побывал в Стране Исраэля.

Но, слово за слово, начал он развивать эту повергающую в трепет тему, разъясняя, как он в пору своего опрощения приобщается к жизни, черпая от пути в Страну Исраэля. Этим, сказал он, живы все простаки на свете: величайшие знатоки Торы – в пору отрешенности от нее, – а при их посредстве натуральные простаки, т.е. самые заурядные люди. Даже народы мира нуждаются в поддержании их жизнеспособности извне...

Когда он завершил поучение, им овладела великая радость. Он велел петь "Воспою хвалу" еще до омовения рук. Обычно же петь начинали после благословения на хлеб. В те времена его постоянно одолевала слабость, и сам он в большинстве случаев не пел. Но сейчас, обуреваемый радостью, он велел петь без промедления. И сам он тоже пел с нами.

А после стал говорить с нами, и от переполнявшей его радости беседа его была долгой и поистине была исполнена неизъяснимого очарования, внушавшего благоговейный трепет. На протяжении всей трапезы он был весел необыкновенно. Он говорил и говорил. Он вел с нами беседу и своими речами помог нам безмерно окрепнуть духом.

И тогда из глубины его сердца вырвалось: "Гевалд! Не впадайте в отчаяние!" И сказал такие слова: "Никакого отчаяния нет!" Невозможно передать намеки, содержащиеся в его святых жестах. С их помощью он дал нам понять, как воспрянуть духом – безмерно и безгранично. Он гордился той радостью, которая наполняла его теперь. Он сказал, что испытывает благоговение и радость, и произнес на идиш: "Я сегодня исполнен благочестивой радости!»

«Знай, что есть на свете душа, посредством которой раскрываются все смыслы и объяснения Торы, но она изнурена недугами – «хлеб с солью ешь и воду пей в меру, спи на голой земле, и пусть жизнь твоя будет нелегкой, ибо это путь Торы (Авот 6:4). Все объяснения Торы происходят от этой души, как угли пылающие, ибо лишь тот, чьи слова – как угли пылающие, может черпать воды Торы, как сказано, «Ведь слово мое подобно огню» (Иер 23:29)».

«Вот притча о радости. Иногда, когда люди веселятся и танцуют, они прихватывают со стороны человека, пребывающего в черной меланхолии и тоске, - против воли вовлекают его в круг танцующих и принуждают веселиться вместе с ними. Так и с радостью: когда человек радуется, невзгоды и черная меланхолия отступают в сторону. Но еще большее достоинство – попытаться схватить черную меланхолию и заставить ее ликовать, чтобы черная меланхолия сама превратилась в радость, т.е. захватить меланхолию и невольно увлечь ее радостью».